

И ни единый царь земной
 Не цѣловалъ такого ока!
 Гаремовъ брызжущій фонтанъ
 Ни разу лѣтнею порою
 Своей алмазною росой
 Не обмывалъ подобный станъ.
 Ни разу гордый сынъ порока
 Не осквернилъ руки такой—
 Клянусь святыней гробовой,
 Лучемъ заката и востока!
 Духъ отверженія и зла
 Стоялъ недвижимъ у порога;
 Не смѣлъ онъ приподнять чела,
 Страшася въ ней увидѣть Бога!
 Увы, въ душѣ его была
 Давно забытая тревога!
 Онъ искушать хотѣлъ—не могъ—
 Не находилъ въ себѣ искусства;
 Забытъ?—забвения не дать Богъ;
 Любить?—не доставало чувства.
 И удалиться онъ снѣшилъ
 Отъ этой кельи, гдѣ впервые
 Нарушилъ клятвы роковыя,
 Земной святынь уступилъ.
 Но прелесть звуковъ и видѣнья
 Остались на душѣ его,
 И въ памяти сего мгновенія
 Ужъ не изгладить ничего.

II.

Скажу ль?.. Сначала думалъ онъ,
 Хотѣлъ во что бы то ни стало
 Исторгнуть изъ груди, какъ жало,
 Мгновенный свѣтлый этотъ сонъ
 И, побѣдивъ свое презрѣнье,
 Онъ замѣшался межъ людей,
 Чтобъ ядомъ нагубныхъ рѣчей
 Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣнье;
 Но до него, какъ и при немъ,
 Ужъ вѣры не было ни въ комъ,
 И полонъ скуки неопытной
 Онъ скоро кинулъ мѣръ развратный
 И на хребетъ пустынныхъ горъ
 Переселился съ этихъ поръ.
 Тамъ надъ жемчужнымъ водопадомъ
 Себѣ пещеру отыскалъ,
 Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
 Душою жизнь ея обнялъ.
 Какъ часто на вершинѣ льдистой,
 Одинъ межъ небомъ и землею,
 Какъ царь съ развѣчанной главой,
 Подъ кровомъ радуги огнистой
 Сидѣлъ онъ—мрачный и вѣмой.
 И бѣлогривыя метели,
 Какъ львы, у ногъ его ревѣли.
 Какъ часто, подымая прахъ
 Въ борьбѣ съ шипучимъ ураганомъ,
 Одѣтый молнией и туманомъ,
 Онъ дико мчался въ облакахъ,
 Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
 Сердечный ропотъ заглушить,

Спасти отъ думы неизбѣжной
 И незабвенное забыть.
 Но ужъ не то его тревожитъ,
 Что прежде: тотъ желѣзный сонъ
 Прощель... Любить онъ можетъ, можетъ!..
 И въ самомъ дѣлѣ любить онъ.
 И хотеть въ путь опять пускаться,
 Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
 Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
 И невовратно улѣтѣть.

Востока ясное свѣтило
 На небѣ юное взошло,
 И моря синее стекло
 Лучами утро озарило.
 Вотъ милый берегъ! вотъ она,
 Обтѣванная земля!
 Вотъ испещренная цвѣтами
 Густой лимонной рощи сѣнь,
 Вотъ предъ святыми воротами
 Часовня... Южный теплый день
 Играетъ яркими лучами
 По бѣлымъ башнямъ и стѣнамъ
 Безмолвно-мраморныя плиты,
 Отъ стѣнъ ведущія во храмъ.
 Плющемъ душистымъ перевиты.
 Вокругъ него ряды крестовъ—
 Нѣмые сторожа гробовъ,
 Какъ стадо лѣтомъ предъ грозой,
 Нестрѣя, жмутся межъ собой..

Страшась надеждамъ волю дать,
 Къ знакомой кельѣ онъ подходитъ,
 Кругомъ нея задумчивъ бродитъ—
 Жива ль она? одна ль? какъ знать!
 Къ дверямъ прильнулъ онъ жаднымъ
 Ухомъ—

Ни струнъ, ни пѣсенъ не слыхаты!
 Невольно онъ смутился духомъ;
 Невольно, какъ въ пещеру змѣй,
 Закралось въ умъ его сомнѣнье,
 И вѣщій лучъ грядущихъ дней
 Сверкнулъ въ его воображенъ.
 То былъ лишь мигъ,—не странный мигъ!
 Смиривъ напрасное волненье,
 Онъ въ келью свѣтлую проникъ..
 Взмошелъ, взглянулъ... Ужасный крикъ,
 Какъ бури свистъ порой ночною,
 Раздался въ воздухъ пустомъ,
 И ярость адекою волною,
 Какъ лава, разлилась по немъ.
 Простите, краткія надежды
 Любви, блаженства и добра,—
 Открылъ дремавшія онъ вѣжды,
 И то сказать—давно пора!

Посланникъ рай, ангелъ нѣжный,
 Въ одеждѣ дымной, бѣлосѣтной,
 Стоялъ съ блистающимъ челомъ
 Передъ монахиней прекрасной
 И отъ врага, съ улыбкой ясной,
 Приосѣнялъ ее крестомъ.
 Они счастливы, святы оба!..